Обычно не разряжают всю обойму, когда достаточно только одного выстрела, но в жизни Уэста многое было необычным. Разве будет, например, свежеиспеченный молодой врач скрывать мотивы, которыми он руководствуется при выборе места жительства и работы, как скрывал их Герберт Уэст? Получив дипломы об окончании Мискатоникского университета, мы могли, наконец-то став практикующими врачами, расстаться с бедностью, поэтому приходилось лишь отмалчиваться на расспросы, почему мы так стараемся найти себе дом на отшибе и поближе к кладбищу для бедных.

Подобная склонность к уединению почти всегда имеет свои причины. Мы также не являлись исключением; нас побуждало к этому наше необычное занятие, вернее, дело всей жизни. На первый взгляд мы были рядовыми, но, если копнуть поглубже, за традиционными заботами проступали великие и пугающие цели: смыслом жизни для Герберта Уэста был неустанный поиск тайны бытия в темных и потаенных областях неведомого. Он надеялся найти путь возвращения хладного кладбищенского праха к вечной жизни. Для подобных исследований требовались необычные материалы, включая свежие человеческие трупы, поэтому следовало жить тихо и незаметно, желательно неподалеку от места скромных погребений.

Мы с Уэстом познакомились в университете, где только один я верил в успех его умопомрачительных экспериментов. Постепенно я стал его постоянным ассистентом, и вот теперь, закончив учебу, мы решили держаться вместе. Для двух врачей непросто найти хорошую практику по соседству, но университетские власти помогли нам, и мы обосновались в Болтоне, фабричном городке неподалеку от Архема, где располагался университет. Болтонские ткацкие фабрики самые крупные в Мискатоникской долине, и местные врачи не очень-то любят пользовать их разноязыкий рабочий люд. Мы придирчиво выбирали дом и наконец остановились на обветшалом домишке на краю Понд-стрит, далеко отстоящем от ближайшего жилища. От местного кладбища для бедняков его отделял луг, окаймленный с севера узкой полоской довольно густого леса. Расстояние до кладбища было большим, чем нам того хотелось, но ничего поближе не нашлось: дома, расположенные по другую сторону луга, не относились к фабричному району. Впрочем, все складывалось не так уж плохо: по этой безлюдной местности мы добирались незамеченными до мрачного источника нашего так называемого «сырья». Путь был нельзя сказать чтобы близкий, зато, доставляя наши безмолвные трофеи, мы могли не опасаться любопытных взглядов.

Что удивительно, нашими услугами с самого начала пользовалось немало больных, такая практика удовлетворила бы любого начинающего врача, но для ученых, чьи интересы сосредоточены на совершенно других вещах, она была в тягость. Фабричные нравы не отличались особой мягкостью; частые потасовки и пьяная резня доставляли нам много хлопот. Главным же для нас оставалась наша секретная лаборатория, которую мы оборудовали в подвале, установив в ней длинный стол, сверху освещаемый лампами, там мы частенько после полуночи вливали растворы Уэста в вены покойников с бедняцкого кладбища. Уэст самозабвенно экспериментировал, отыскивая компоненты, которые восстанавливали бы жизнедеятельность организма, прерванную тем, что мы называем смертью, но каждый раз наталкивался на все более немыслимые препятствия. Раствор приходилось опять и опять готовить заново: тот, что подходил для морских свинок, исключался для человека, каждый же человек, то бишь покойник, требовал особого подхода.

Годились только свежие трупы, ибо малейшее изменение мозговой ткани делало невозможным полноценное воскрешение. В том-то, собственно, и была вся загвоздка, над этим Уэст бился еще в студенческие годы, когда вел секретные опыты с трупами сомнительной сохранности. Результаты частичного или неполноценного воскрешения были намного ужаснее наших неудач, и у нас обоих сохранились о них жуткие воспоминания. Мы поняли, что играем с огнем, еще в Археме, после первого зловещего эксперимента на брошенной ферме в Медоу-

Хилл. Даже Уэст, этот холодный, белокурый, голубоглазый ученый-автомат, часто признавался, что не может отделаться от неприятного ощущения тайной слежки. Ему чудилось, что за ним постоянно кто-то наблюдает; тут, конечно, сыграли свою роль расшатанные нервы, но еще и неотвязные мысли о том, что по крайней мере один из воскрешенных — плотоядное чудовище из больничной палаты в Сефтоне — до сих пор жив. О судьбе другого нашего первого подопечного мы так никогда и не узнали.

В Болтоне нам было легче, чем в Археме, доставать подходящие человеческие экземпляры. Не прошло и недели, как удалось заполучить, почти сразу же после похорон, жертву несчастного случая. На операционном столе этот человек открыл глаза, взгляд его был абсолютно осмыслен, но затем действие раствора прекратилось. В катастрофе он потерял руку — видимо, поэтому наш успех оказался неполным. До января у нас были еще три попытки, одна из которых закончилась полным провалом. В следующий раз мы добились сокращения мышц, а вот третий покойник встал на ноги, приведя нас в содрогание и произнес нечто невразумительное. Затем какое-то время нам не везло: погребения случались редко, а немногочисленные покойники были либо вконец истерзаны болезнью, либо до неузнаваемости изуродованы. Мы вели подробный учет количества смертей и обстоятельств, их вызвавших.

Однажды мартовской ночью нам удалось заполучить покойника еще до похорон. Надо сказать, что, хотя в Болтоне из-за царящих в нем пуританских традиций бокс был запрещен, поединки все же случались. В этих тайных грубых побоищах иногда принимали участие и профессионалы, причем самого низкого пошиба. Той ночью тоже происходил бой, который, как выяснилось, закончился трагически. К нам постучались два перепуганных поляка и шепотом, перебивая друг друга, умоляли пойти с ними к тяжелобольному человеку, прося сохранить визит в тайне. Они привели нас в заброшенный сарай, посреди которого стайка рабочих-эмигрантов теснилась вокруг неподвижного темного тела.

Поединок произошел между Малышом О’Брайеном, неуклюжим увальнем с редким для ирландца крючковатым носом, — парень маячил тут же поодаль, полумертвый от страха, — и Баком Робинсоном по кличке Гарлемская Сажа. Негра нокаутировали, и даже беглый осмотр показал, что из этого нокаута ему никогда не выйти. На вид он был страшен, горилла, да и только! Его необычно длинные руки хотелось назвать передними лапами, а лицо навевало мысли об ужасных тайнах Конго и о мерной дроби тамтама при зловещем свете луны. При жизни покойник, вероятно, выглядел еще безобразней, но ведь в мире столько уродливого! Присутствующие были охвачены страхом: никто не знал, что случится, если дело откроется и вмешается закон. Трудно передать словами их благодарность, когда Уэст предложил им помочь освободиться от трупа. Я понимал, с какой целью он это делает, и не мог унять дрожи.

Яркий лунный свет заливал бесснежную твердь. Натянув на покойника одежду, мы потащили его по безлюдным улицам и пустырям, придерживая с двух сторон, как уже делали однажды ночью в Археме. К своему дому мы подошли со стороны поля, втащили тело через черный ход, спустили его в подвал и поспешно подготовили все необходимое. Панически боясь полиции, мы подгадали так, чтобы наше путешествие не совпало по времени с ночным полицейским обходом.

Результат наших манипуляций с трупом равнялся нулю. Омерзительный трофей не реагировал ни на один из растворов, вводимых в его черную руку. Не потому ли, что ранее мы имели дело только с белыми? Рассвет неминуемо приближался, и мы поспешили проделать с нашим мертвецом то же, что и с другими, а именно — отволокли его в лес, граничащий с кладбищем, и похоронили в могиле, вырытой настолько глубоко, насколько позволяла промерзшая земля. Пришлось потрудиться над нею не меньше, чем при погребении нашего последнего покойника — того, что поднялся во весь рост и что-то пробормотал. Светя себе фонариками, мы

аккуратно засыпали свежевскопанную землю листьями и сухими ветками и ушли в убеждении, что полиция ни за что не отыщет столь тщательно замаскированную могилу, да еще в таком густом и темном лесу.

Однако на следующий день полиция все не шла у меня из головы, так как один из наших пациентов рассказал, что по городу ползут слухи о поединке и покойнике. У Уэста нашелся еще один повод для беспокойства: днем его вызвали к больной и это посещение едва не кончилось трагически. У одной итальянки пропал ребенок, мальчик лет пяти. Он ушел еще утром и к обеду не вернулся. Мать сходила с ума от волнения, ее и без того слабое сердце явно сдавало. Ее страхи были смешны — мальчишка и раньше частенько пропадал, но итальянские крестьяне очень суеверны, и эту женщину более напугало некое предзнаменование, нежели сам факт исчезновения. К семи часам утра она скончалась, а ее обезумевший от горя муж набросился на Уэста, проклиная за то, что тот не сумел спасти его жену. Он размахивал кинжалом, друзья с трудом удерживали его, и Уэст ушел, сопровождаемый нечеловеческими воплями, ругательствами, проклятиями и обещаниями скорой расправы. Из-за новой беды несчастный, казалось, совсем забыл о ребенке, а тот все не появлялся, хотя приближалась ночь. Хотели начать поиски в лесу, но все близкие хлопотали вокруг покойной и убитого горем мужа. Понятно, что нервы Уэста были натянуты до предела. Мысли о полиции и о безумном итальянце одинаково не давали нам покоя.

Мы легли спать около одиннадцати часов, но сон мой был неглубок. В Болтоне, этом заштатном городишке, полиция работала отменно, и я не мог не понимать, какая начнется кутерьма, если всплывут события предыдущей ночи. Придется распрощаться с врачебной практикой, а то и сесть в тюрьму. Скверно, что по городу расползлись слухи о поединке. После трех часов ночи мне в глаза стал бить лунный свет, но я не опустил шторы, а просто повернулся на другой бок. Тогда-то и послышался шум у черного хода.

Я продолжал лежать в полусне, но вскоре в мою комнату постучал Уэст. Он был в халате и тапочках, в одной руке револьвер, в другой — электрический фонарик. Увидев оружие, я понял, что он больше опасается сумасшедшего итальянца, чем полиции.

«Лучше нам вместе посмотреть, кто там, — прошептал он. — Надо его проучить. Но вдруг это пациент? Есть ведь такие идиоты, что лезут с черного хода».

Мы спустились по лестнице на цыпочках, охваченные двойным страхом: и вполне объяснимым в таких обстоятельствах, и тем неподвластным разуму, что овладевает нами в роковые предутренние часы. Возня у дверей продолжалась, становясь все громче. Осторожно отодвинув засов, я распахнул дверь. Но как только луна осветила стоящего за дверью человека, Уэст повел себя странно. Не думая о том, что он может привлечь внимание полиции — чего, слава Богу, не произошло благодаря укромному расположению нашего дома, — мой друг неожиданно, в состоянии крайнего возбуждения, выпустил все шесть пуль в ночного посетителя.

А всё дело в том, что гостем нашим был не итальянец и не полицейский. В призрачном свете луны неясно вырисовывалась огромная бесформенная фигура, какую можно увидеть разве что в кошмарном сне. Иссиня-черный призрак с остекленевшими глазами стоял на четвереньках, весь измазанный землей и запекшейся кровью с налипшими листьями и сухими стеблями. Но самое страшное — из его белоснежных зубов торчала детская ручка.

http://tl.rulate.ru/book/43725/1012167